

ПРОЕКТ ДМИТРИЯ ГЛУХОВСКОГО

ВСЕЛЕННАЯ МЕТРО 2033

НАИЛЬ ВЫБОРНОВ
НА ПЕПЕЛИЩАХ
НАШИХ ДОМОВ

Метро

Наиль Выборнов

**Метро 2033: На
пепелищах наших домов**

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Выборнов Н. Э.

Метро 2033: На пепелищах наших домов / Н. Э. Выборнов —
«Издательство АСТ», 2020 — (Метро)

ISBN 978-5-17-120820-2

«Метро 2033» Дмитрия Глуховского – культовый фантастический роман, самая обсуждаемая российская книга последних лет. Тираж – полмиллиона, переводы на десятки языков плюс грандиозная компьютерная игра! Эта постапокалиптическая история вдохновила целую плеяду современных писателей, и теперь они вместе создают «Вселенную Метро 2033», серию книг по мотивам знаменитого романа. Герои этих новых историй наконец-то выйдут за пределы Московского метро. Их приключения на поверхности Земли, почти уничтоженной ядерной войной, превосходят все ожидания. Теперь борьба за выживание человечества будет вестись повсюду! Двадцать лет они провели в подземном убежище, спасаясь от радиации и порожденных ею мутантов, боясь высунуться на поверхность. Двадцать лет они жили подобно крысам, прячась по норам и питаясь объедками цивилизации. Сама судьба не вынесла их страданий и дала жителям Набережных Челнов шанс выбраться из мертвого города, найти новое место для жизни и снова почувствовать себя людьми. Один из беженцев – Азат, несущий на плечах груз ответственности за жену и двоих сыновей. Он отправляется в путь вместе со всеми, в надежде дать семье лучшее будущее. Однако улыбка судьбы оборачивается злобным оскалом: куда идти, если весь мир погиб, а вокруг только выжженные атомным пламенем пустоши? Смогут ли они устроить новую жизнь на пепелищах наших домов?

УДК 821.162.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-120820-2

© Выборнов Н. Э., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

И щи горячей, и трава зеленой	6
Глава 1	8
Глава 2	15
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Наиль Выборнов

Метро 2033: На пепелищах наших домов

И щи горячей, и трава зеленей

Объяснительная записка Алекса де Клемешье

Практически каждое лето в детстве я проводил в деревне, в Поволжье, совсем недалеко от тех краев, которые описаны в книге. В 80-е годы местный колхоз был одним из самых передовых: богатые урожаи, победители соцсоревнований, фотографии местных комбайнеров-ударников – даже в центральных газетах. В каждом доме – по корове, а то и по две; овец и коз – без счета. Когда вечерами по деревне гнали стадо, приходилось ждать не меньше получаса, чтобы перейти на другую сторону улицы. В день, когда объявлялся сенокос, едва ли не до драк доходило – так торопились односельчане застолбить самый лакомый участок с самой сочной травой, так ценился любой клочок колхозной земли, не занятый пшеницей, рожью, кукурузой, подсолнухами или викой. Свободные от посевов и посадок места присматривали загодя, и внезапно оказывалось, что на вожденную территорию претендуют сразу несколько соседей. А куда деваться? Скотины у каждого много, сена на зиму требуется вагон и еще тележка в придачу.

Впрочем, маленькому мне недосуг было всерьез задумываться о взрослых дрызгах. Каникулы – они на то и каникулы, чтобы купаться, загорать, ходить в лес за земляникой, а в овраг к Дворянам – за опятами. Кто такие эти Дворяне, я тоже не задумывался. Ну, раз уж у рек и гор есть названия, почему бы не быть названиям у оврагов? Главное, что от дома близко, не больше километра, а опята – ужасно вкусные!

С середины девяностых и до начала нулевых у меня не получалось поехать в деревню: работа, свадьба, рождение сына... Казалось бы, что может произойти за каких-то семь-восемь лет? Выяснилось, что многое. Старики умерли, молодежь подалась в города. Деревня не то чтобы опустела – да, были и брошенные, заколоченные дома, но дело не в них. Изменилось все вокруг. Новое поколение уже не держало коров и овец, предпочитая покупать молоко и мясо на базарах и в фермерских хозяйствах. Никто больше не воевал за участки травы во время сенокосов, от гигантского стада остался буквально десяток голов. Скотина теперь не паслась на лугах и склонах оврагов, и в окрестностях все заросло метровым бурьяном. В Дворянах исчезли опята – наверное, им попросту не хватало солнца в густом покрове буйно растущей травы. Колхоз в «лихие 90-е» обанкротился, перестал сеять хлеб – занялся вырубкой леса. Экосистема разрушилась.

Кстати, Дворянами, как оказалось, называлась деревенька, которая вполне себе существовала в начале прошлого века, даже название местные жители не успели позабыть. Но название – это единственное, что сохранилось. Ни кособокого сруба, ни печного остова, ни каменного фундамента – ничего не осталось на том месте, где когда-то жили люди. Лишь опята на склонах оврага (вот дались мне эти опята! Тем более что и они в итоге исчезли, поглощенные бурьяном...).

Как страшно, наверное, гипотетическому бывшему жителю деревни Дворяне попасть в те места, где прошла его юность. Уж если мне после семи-восьми лет очевидны разруха, тоска и запустение в родной деревне и окрест, то что уж говорить о человеке, от чьего дома не осталось и следа? И от домов соседей – тоже... Вот так идти по склону оврага – и понимать, что сейчас

ты проходишь по тому самому месту, где когда-то стояли в палисаднике твои детские качельки, а вот тут жила девушка – твоя первая любовь, а вон там работал на лесопилке твой отец...

Все исчезло. Ничего не вернуть. А скоро и памяти не останется.

Красной нитью сквозь весь текст романа Наиля Выборнова тянется тоска по утраченному. Человек, прошедший через ужасы Катастрофы, преодолевший множество невзгод и лишений в постъядерном мире и, несмотря ни на что, выживший, – этот человек теперь выбирается на поверхность, смотрит вокруг: на знакомые с детства места, на пустоши и пепелища, на здания, ставшие склепами, на селения, ставшие ловушками, – и кажется, что от отчаяния у него вот-вот опустятся руки. И отчаяние это не из разряда «Как же теперь все это восстановить?», все гораздо страшнее: «Как мы могли все это допустить?!» – вот что гнетет и мучит героя романа «На пепелищах наших домов».

Однако есть кое-что, что не позволит опустить руки даже в самой безвыходной ситуации, то, ради чего испокон веков человек поднимается с колен, выбирается из руин и двигается дальше.

Глава 1

Исход

Азат не мог оторвать взгляда от открытых гермоворот.

Двадцать лет. Двадцать чертовых лет прошло с тех пор, как они закрылись, надежно спасая от разверзшегося на поверхности ада тех, кто успел укрыться в подземном переходе. Сколько их тогда было? Две сотни, три? Набились в бетонную кишку и технические помещения, как сельди в бочке, и сидели там в ожидании эвакуации, которой так и не последовало.

И что потом? Как так вышло, что из трех сотен за двадцать лет осталось немногим больше шестидесяти? Популяция пришла в соответствие кормовой базе? А ведь чего-чего, а еды, заготовленной впрок, хватало, особенно с учетом резко сократившегося населения Челнов. Единственным реальным дефицитом оказались лекарства, которые с каждым годом теряли свою эффективность. Антибиотики помогали примерно в половине случаев, хотя, возможно, дело было в изменившихся, как и все остальное, бактериях.

Люди умирали, все по-разному. Кто-то вешался и стрелялся, кого-то стреляли или вешали. Некоторым не повезло стать добычей для расплодившихся на поверхности мутантов, других убили недружелюбно настроенные сородичи. Взять только последнюю войну с Халифатом, в результате которой население «Домостроителей» сократилось едва ли не на треть.

Были и другие причины, конечно, – никуда не делись и инфаркты с инсультами, и гипертония с диабетом. Только вот их резко стало меньше, единицы, в пределах статистической ошибки. Если не было подозрений на насильственную причину смерти, никто не возился со вскрытием трупов – парни из «Булата» унесут на поверхность, да и все дела.

Зато число раковых больных увеличилось, но этому никто не удивлялся. Отчасти потому, что раком называли все непонятное.

С тех пор как подземный переход на «Домостроителей» стал для них единственным домом, прошло семь тысяч очень тяжелых дней, наполненных борьбой за выживание. И вот настало время покинуть убежище.

Парням из «Булата» удалось пригнать из Шильны четыре машины, переделанные под реалии нынешнего времени – высокие зубчатые колеса, сваренные из стальных труб бамперы, окна, прикрытые решетками. На базе «пришлых» явно имелся хороший механик, настоящий фанат своего дела. Благодаря его труду три несчастных «уазика» да смешной лупоглазый «ПАЗ» получили вторую жизнь.

«УАЗы» выглядели странно, будто кто-то поставил обычные «козлики» на шасси «буханок» и нарастил кузова так, чтобы было место и под багажник, и под гнездо для пулеметчика наверху, но все навешанное на них железо смотрелось удивительно органично. Это не уродливые кадавры, сваренные из лома, как в фильмах про «Безумного Макса». Выглядели машинки будто армейские серийные модели, не хватало только кучи разгильдяев-срочников вокруг.

Вместо них вокруг машин возились бабы и мужики, которым приходилось бросить все нажитое годами добро. Полковник был суров – не более пяти кило груза на человека.

Что неудивительно. Движки и так были прожорливы до безумия, а максимальная скорость более-менее комфортной езды для автобуса ограничивалась шестьюдесятью километрами в час – до какого значения она снизится, когда туда набьется под сорок человек, да еще со скарбом?

По задумке старика сборы должны были пройти тихо и быстро. Только вот ничего не вышло. Людям приходилось оттирать себя от стен перехода, будто за двадцать лет они успели врасти в них. Наверное, устроить галдеж с ругательствами и плачем толпе мешало только понимание того, что они находятся на поверхности, где любой шум может привлечь нежелательное

внимание. Рискованно это все было, хоть улица и прикрыта бойцами да двумя снайперами, которых для пущей безопасности отправили на позиции.

Ситуация заставила Азата задуматься – так ли нужна этим людям эвакуация? Может, им гораздо милее было бы дожить остаток дней под землей?

Не желая видеть, как жена с сыновьями будет отбирать их скарб, он напросился в охрану, но по сторонам почти не смотрел, уставившись на раскрытый гермозатвор, которому больше не суждено закрыться.

Возможно, кто-то из других переходов и решится на колонизацию бесхозной жилплощади: все коммуникации в порядке, только дезактивацию провести. А там и оставшихся вещей завались, и места под фермы да грибные плантации сколько угодно.

Еще месяц назад Азат был готов поспорить, что роль колонизаторов возьмут на себя исламисты с «Халифата» – единственного сообщества на руинах Автограда, которому удавалось не только не стагнировать, но и активно расширяться.

Но после поражения в недавней войне и смерти халифа воинам Ислама не до того. Судя по последним событиям, теперь это вполне могут оказаться коммунисты. Если, конечно, они действительно не построили за городом колхоз.

С другой стороны, если построили, то зачем им захватывать остальные переходы? Чтобы осчастливить всех уравниловкой и принудительным трудом?

Азат усмехнулся. Какое ему теперь дело? Что бы дальше в городе ни произошло, его это не затронет. Пусть хоть режут друг друга, хоть в десны целуются, его это больше не касается. Зато прочих забот прибавилось.

Двадцать лет назад он спустился в переход будучи двадцатичетырехлетним парнем, успевшим закончить институт и параллельно с магистратурой отработать два года помбуром под Альметьевском. Впереди были более чем приличные перспективы – полететь в Сибирь уже в разведке, накопить денег и открыть свой бизнес в Челнах. Тогда он задумывался о стоянке и СТО для грузовиков.

Только вот бомбы, упавшие на город и пощадившие жилые кварталы, стерли все перспективы в порошок. Выжили только самые пронырливые, кому повезло запрыгнуть на последний поезд в будущее, спрятаться в убежищах. Кости остальных до сих пор валялись по проспекту.

Но он к их числу не относился, потому что дальше было двадцать лет существования. Работа с грибами и овощами на ферме, потом – в бригаде механиков, поддерживающих дышащий на ладан газогенератор и проводивших техобслуживание освещения, гидропонных ферм и других систем, от которых зависела жизнь в убежище. Как ни крути, он же инженер, хоть и работал по совсем другому профилю – тренировки с оружием.

Постепенно обязанности стали рутинными и потянулись одинаковые дни, наполненные невыносимой скукой. Но если случались встряски вроде ЧП на работе или ситуаций, когда приходилось брать в руки оружие, Азат начинал думать, что лучше бы все шло по-прежнему. Он слишком любил свою жизнь.

Были и светлые моменты. Их с Ландыш свадьба и рождение Алмаза, а потом и Ильгизара, которые, на их счастье, оказались вполне здоровыми пацанами. Видимо, не смогла радиация превозмочь крепкие башкирские гены.

Но после победы над исламистами он понял, что дальше так жить не может. И пошел в разведгруппу «Булат», наплевав на причитания и слезы жены, которая даже ушла из их семейной «квартиры» в одну из общественных комнат. Лейтенант с Полковником были не против его кандидатуры, учитывая опыт ковыряния в железках и неплохую физическую форму. Хотя главную роль, конечно, сыграл дефицит добровольцев.

Старик только потребовал, чтобы он с женой помирился, но это было несложно. Трех дней не прошло, как та вернулась и с тех пор позволяла себе только осуждающие взгляды, пока

он ковырялся в снаряге. Старший сын, кстати, принял ее сторону, а вот младший, наоборот, был в восторге: надо же, отец – разведчик. Мародер теперь звучит гордо.

И получалось так, что покидал убежище Азат сорокачетырехлетним мужчиной, лучшие годы которого уже позади, и оставалось только прожить достойно, сколько получится.

Но он никак не мог взять в толк, что же означали открытые гермоворота?

Что за ними? Светлое будущее? Или наоборот, это – адские врата, и жители «Домостроителей» еще тысячу раз пожалеют, что осмелились войти? Или скорее выйти, покинув уютное нутро подземного перехода.

– Азат. – Он вздрогнул, услышав свое имя, повернулся и увидел, как двое его товарищей по службе в «Булате» тащат в сторону одной из машин НСВ.

Пулеметы у них в убежище имелись. Два «Утеса», один рабочий, а второй с убитой пружиной, намертво клинивший после пары одиночных. Правда, стрелять до недавнего времени было нечем, крупнокалиберных патронов в городе на момент катастрофы оказалось кот наплак.

Поэтому их и не использовали во время обороны от исламистов. Зато после победы «Домостроители» в качестве контрибуции помимо всего остального получили еще ящик «двенадцать и семь».

– Что такое? – спросил он.

– Полковник сказал рабочий пулемет на один из «УАЗов» ставить, – ответил боец. – Поможешь?

– Давай, – пожал плечами Азат.

* * *

Азат вместе с остальными бойцами «Булата» ехал в головной машине. Мотор «УАЗа» мерно рокотал на низких оборотах, под колесами шуршал асфальт, раскрошившийся от времени.

За окнами серые многоэтажки с провалами выбитых стекол сменились крепкими двухэтажными коттеджами. Не дворцы, конечно, но домишки выглядели более чем приятно, до войны Азат с удовольствием поселился бы в таком. Хотя и сейчас тоже, если бы удалось найти более-менее чистое место.

Да и нельзя сказать, что это была местная «рублевка». Владельцы домов в основном относились к среднему классу, но строились всерьез и надолго, вот и возник под самыми Челнами коттеджный поселок с летними верандами, гостевыми домиками и беседками.

– Что с фоном? – спросил лейтенант, слегка приоткрыв створку из толстого пуленепробиваемого стекла, которое, похоже, сняли с инкассаторского броневика.

– Чуть выше, чем на «Домиках», – ответил Баранов – боец, оставшийся снаружи, на пулемете. – И растет. Еще немного, и я в салон залезу, неохота рентгены ловить.

– Как почувствуешь, что припекает, постучи, остановимся. И по сторонам посматривай, не только на радиометр.

Лейтенант закрыл окошко и откинулся на спинку сиденья, погладил ствольную коробку своего АК. Азат невооруженным взглядом видел, что командир нервничает. Это было совсем неудивительно – мало им было жесткого марш-броска до места, где спрятаны машины, так еще и Полковник приказал срочно собираться и покидать город, пока солнце не встало. Ладно хоть в сентябре ночь достаточно длинная, успели.

Всем было очевидно, что скоро придется искать место для ночевки. А точнее для дневки. Теперь их время наступает, когда на землю опускается тьма, и лучше оказаться в укрытии до того, как солнце поднимется и вступит в свои права.

Раньше Тукаевский район являлся густонаселенным местом, и по идее, они должны были без проблем найти хотя бы пару домов, оставшихся целыми. А что до тесноты, так за годы, проведенные в подземных переходах, они к ней привыкли.

Скорее даже наоборот, люди успели отвыкнуть от открытого пространства. Первое время Азат замечал за собой, что побаивается смотреть на небо, которое всем остальным давно заменил растрескавшийся потолок со светодиодными лампочками вместо звезд. Иногда даже возникало ощущение, что он падает вверх, глупо как-то.

Но ничего, привык.

– Хреново мне, – сказал вдруг Шмель – тот, что сидел за рулем.

– Что такое? – посмотрел на него лейтенант. – Тошнит, что ли?

– Нет, – помотал тот головой. – Хреново, бежим мы из города, будто крысы. Бросили всех.

– А кого спасать-то? Коммунистов, что ли? Или моджахедов? – спросил старший в группе.

– Да почему. Наших. «Конфедератских».

– Наших? – усмехнулся лейтенант. – Ты же сам понимаешь, что в машинах места мало, едва на всех наших хватило. Да и, знаешь... Наши-то они вроде и наши. А где они были, когда исламисты пытались переход взять? У них ведь была целая ночь, могли прислать людей. Но нет, тряслись за свои шкуры, надеялись, что мы сами справимся. А я в итоге шесть человек потерял. И пацана того убили, Колю.

– Все равно ведь наши, – пожал плечами Азат. – Знаешь, я считаю, Полковник и об этом подумал. Сейчас выедем из города, найдем более-менее чистое место для жилья, обустроимся. А потом рванем назад и вывезем всех из города. Чтобы им не сидеть там в норах, как крысы.

– Если их не перережут раньше, – ответил водитель, поворачивая руль. – Сам ведь понимаешь, мы в городе оставляем целый отряд спятивших военных. По совместительству хозяев машин, на которых мы сейчас едем. Как по-твоему, что они подумают, когда узнают, что их драгоценный транспорт украли?

– Что это сделал кто-то из городских. – Башкир посмотрел в окно.

– Вот именно. И я почему-то уверен, что они станут этих городских искать.

– Так что Полковник правильно приказал собираться и уезжать, – не преминул вставить свои два слова лейтенант. – Тут скоро бойня будет.

– И от этого только хуже. – Шмель помотал головой. – Гадко.

Машина подпрыгивала на кочках, разбрызгивая в разные стороны грязь.

Если по грунтовой дороге не ездить двадцать лет, то трава ничего от нее не оставит. Природа вынослива и обладает поразительной силой, тонкие стебли пробиваются даже через асфальт, что ей просто укатанная колесами земля? За два-три года тут было бы чистое и бескрайнее поле.

Только вот то, что загнало людей под землю, убило и большинство растений кроме тех, что смогли измениться и приспособиться, вроде хищных фикусов, что причудливыми выюнами покрывали стены жилых домов. Или папоротника с «Ипподрома», про который столько рассказывали. Да и не только рассказывали, Азату довелось увидеть его жертв своими глазами.

Сейчас ему даже казалось, что он видит на размокшей земле колею двадцатилетней давности. Возможно, что они сами ее и оставили, когда гнали машины в сторону «Домостроителей».

– Так и не заасфальтировали, – вздохнул башкир.

– Дорогу-то? – спросил Шмель. – А что такое, бывал тут?

– Да, у дядьки дом здесь был. Я тогда в институте учился, а по выходным к родственникам ездил, помогал. Знаешь, как сейчас помню, каждый раз себе клялся, что больше не поеду. Каждый раз слышал «Приезжай, Азат, шашлыков пожарим, в баню сходим, самогоном тебя угощу», а как приезжал, так мне вручали рваные галоши, лопату, два ведра да перчатки... Хотя

перчатки не всегда. А потом – племян, помоги выкопать канаву, надо водопровод утеплить, или помоги перетаскать песок, чтобы подушку сделать. Или септик вырой.

– Напрягали тебя дядя? – усмехнулся Ершов – пятый из группы «Булат», до этого молча смотревший в окно.

– Один дядя, – поправил его Азат. – Но, знаешь, что самое смешное? Он ведь мог прямо сказать, мол, надо помочь. Я разве отказался бы? Но ведь нет, приглашали меня именно отдохнуть, а поработать предлагали будто бы между прочим. Только вот после этой работы я никакому отдыху не рад был, хотелось лечь и умереть. Руки до крови содраны, на ногах мозоли от этих драных галош, сам весь в пыли. Там уж хоть баня, хоть водка, да хоть бы дядька и девок притащил – никакого удовольствия не получаешь.

– А чего они рабочих не нанимали? – спросил лейтенант. – Они ж быстрее и качественнее справились бы, чем студент.

– Ну так рабочим платить надо, – улыбнулся башкир. – Нет, нанимали, конечно, но на более трудные дела – печь там сложить, комнату отделать. Он ведь и пытался нас заставить чистовой пол отшлифовать, только мы испортили участок у самого входа, забил, да вызвал рабочего. Зато окна мы сами ставили, по уровню. Только лишнее бревно из сруба вырезали.

– Это как? – заинтересовался Ершов.

– Да не рассчитали. Как сейчас помню, брату кричу, чтобы прекращал пилить, а он не слышит, бензопила громкая. Когда понял, что произошло, мотор заглушил, бросил инструмент и за голову схватился. А потом приезжает дядька с двумя длинными такими трубами из утеплителя, для шлангов. И брат как скажет – все, сейчас батя нам их в задницы засунет.

Мужики засмеялись. Даже Шмель, который, похоже, был подавлен.

– Но удивляло меня не это. – Азат уже сам не понимал, почему продолжает болтать. – Почему они вместо рабочей одежды использовали старые вещи? Я уже тогда понимал, что можно пойти в магазин и купить хорошую спецовку за копейки. В крайнем случае охотничий костюм, «горку» ту же самую. Тогда ведь работать сразу гораздо удобнее станет. А старой одежде место в переработке. Ну или можно ее на мусорку выбросить, пусть бомжи одеваются...

И вдруг замолчал. Помотал головой, посмотрел в окно.

Им теперь всем приходится одеваться в старое шмотье. Разве что не всегда ношеное. По квартирам да гардеробам рыться невыгодно, лучше зайти на любой из рынков и вскрыть какой-нибудь из павильончиков.

Одежды много, на каждого выжившего минимум по три-четыре десятка комплектов. Хватит на всю жизнь, да и не успеет ничего сноситься. Скорее всего, шмотки просто сгниют на складах.

– А как думаете, – спросил Шмель, продолжая гнать машину прочь от города. – Что мы там носить будем? За городом-то магазинов и рынков нет. Станем в шкуры одеваться?

– Скорее экспедиции в город организовывать. – Лейтенант вынул из внутреннего кармана сигарету и принялся разминать ее между пальцами. То, что на них не было противогазов, провоцировало старшего в группе закурить, но он прекрасно понимал, что дым из герметичного салона машины никуда не денется. – Овощи выращивать можно и там, семена мы взяли. Охотиться тоже – уверен, что не все животные мутировали. Да и кроли наши никуда не делись. А вот одежду... Проще собраться, на машинах в город поехать и подломить какой-нибудь рынок. Опасно, конечно, но других вариантов нет.

– Так не наездишься на машинах без топлива.

– Ну «пришлые» же где-то топливо берут. Думаю, добычу и переработку наладить мы сможем, в конце концов, у нас тут настоящий бурильщик есть. – Старший сунул сигарету в зубы и хлопнул Азата по плечу. – Что думаешь, справимся?

– Нашли бурильщика, – мрачно ответил башкир. – Думаешь, у меня за двадцать лет хоть что-нибудь в голове осталось? С переработкой-то хрен с ним, с помощью учебника химии

«семьдесят шестой» мы всегда выгоним, а вот добыча... Если только удастся законсервированную скважину запустить, и то есть риск напортачить и получить газовый факел. Или оборудование обрушится из-за гидравлического удара. Если оно, конечно, простояло там двадцать лет.

– Вот, видишь, настоящий бурильщик, – проговорил Ершов. – Значит, шансы есть.

– Мы еще большую Шильну не проехали, а вы уже успели нефтедобычу начать, – пробормотал Шмель и резко повернул руль, выгоняя «УАЗ» на в хлам разбитую асфальтовую дорогу.

– Как фон? – вновь обратился лейтенант к Баранову, приоткрыв окно.

– Растет, – ответил тот. – Медленно, но поднимается.

– Мы что, к эпицентру едем? – спросил Азат, отвлекшись от разглядывания носков своих сапог.

– Не, ты чего, взрыв совсем в другой стороне был, там, где завод стоял, – помотал головой Шмель. – А тут, скорее всего, радиоактивный след прошел. Город же специально строили, ориентируясь по розе ветров так, чтобы всякое дерьмо с заводов уходило не в сторону жилых кварталов.

– Звучит логично, – кивнул лейтенант. – Может, нам и повезло еще, что в городе не так фонит. Иначе по переходам не убереглись бы.

– Повезло, – усмехнулся водитель. – Всем бы такое везение – двадцать лет под землей просидеть.

– Лучше так, чем костяками на проспектах да по квартирам лежать, – пожал плечами Азат. – Вы мне лучше вот что скажите. Как думаете, живы ли в других городах? Ну тут, по Татарстану – Казань та же, Альметьевск... И что с маленькими городами, которые никто не бомбил? Мензелинск там, Азнакаево, Лаишево?

– Мелкие живы наверняка. – Лейтенант пожал плечами. – Хреново, конечно, но жить должны. А вот в больших городах, думаю, все как у нас – сидят под землей и вылезти боятся.

– Про Мензелинск, думаю, скоро узнаем, – заметил Шмель. – В этой стороне нам больше некуда ехать, дальше водохранилище...

– Ага, большое, – кивнул Азат. – И рыбалка там отличная была. У друга отец постоянно с лодкой ездил...

– Сейчас там вряд ли что-то путное поймаете, – усмехнулся лейтенант. – Я вот за двадцать лет всего одну рыбу видел.

– Это что за рыбу? – заинтересовался башкир.

– Да сома, что по Мелекеске плавает. Давно еще, года три или четыре назад, я с тогда еще старым «Булатом» отправился... Вот его, знаешь, только на якорях ловить, как в мультиках. А в качестве наживки, наверное, целого человека использовать.

– Что же он жрет-то?

– Да, есть там рыба наверняка, мелче только. И что в воду падает, тоже жрет. Шарков, может. Планктон, или что там сейчас вместо него.

– Шарков и мы ели. – Водитель улыбнулся. – И ничего, не хуже довоенных раков. Пива только не хватало, знаешь...

– Не напоминай! – Азат даже прикрикнул, помотав головой.

В свое время он был любителем выпить пару банок под хорошую закуску и теперь сильно страдал без пенного напитка. Крепкое на складах магазинов и по домам двадцать лет простояло и хуже не стало, и еще столько же простоит. Хотя, конечно, людям приходилось пить суррогат – и запасы алкоголя истощились, да и дорог он был.

– Самогон поперек горла стоит, брага эта вонючая тоже, – продолжил башкир. – Пива хочется, знаешь, легкого какого-нибудь, светлого. Чтобы хлебом пахло.

– Ага... – согласился Ершов. – Как думаешь, может, варят где-нибудь?

– А черт его знает. Если хлеб выращивают, то и пиво варят, наверное. Доехать бы только туда.

– Варить пиво лучше, чем добывать нефть, – усмехнулся водитель.

– А еще лучше делать и то, и то, – сказал Азат.

– И со свистом, – добавил лейтенант.

Все посмеялись немудреной шутке командира. Веселье было прервано голосом Полковника, прорвавшимся сквозь шипение рации.

– Полковник вызывает лейтенанта. Повторяю, Полковник вызывает лейтенанта.

Тот мгновенно собрался, убрал с лица следы улыбки и надавил на тангенту.

– Я слушаю, прием.

– Солнце уже скоро встать должно, мы поздно выехали. Начинайте искать место под дневку. Под землю мы тут не заберемся, но найти какой-нибудь сохранившийся дом можно. Как поняли, прием?

– Вас понял, – ответил лейтенант. – Ищем здание, где можно разместить всех.

– Отбой.

Азат посмотрел в окно. Развалившиеся за двадцать лет избы какой-то из многочисленных деревушек вряд ли могли стать надежным пристанищем для беженцев, и в целом зрелище оказалось достаточно печальным, едва ли не хуже мертвого города.

– А если дальше поехать, пока как можно дальше от Челнов не окажемся? – спросил он.
– Вдруг здесь днем безопаснее, чем в городе?

– Нет, – мотнул головой лейтенант. – Сейчас надо останавливаться, Полковник прав. А если днем здесь безопаснее, то ездить действительно стоит только по ночам.

– Почему? – не понял башкир.

– Да потому что если ночью тут бродят твари, то лихие люди сидят по базам и носы высунуть боятся, – ответил за командира Шмель. – А вот днем они вполне могут и свои вопросы решать. А судя по «пришлым», люди тут живут более чем лихие.

Глава 2

Назад в школу

По левую сторону от дороги стояли хлева, которые обветшали за двадцать лет без должного ухода, но разваливаться не собирались. По правую раскинулась деревня из практически одинаковых одноэтажных кирпичных домиков. Они сохранились гораздо лучше, чем встреченные ранее деревянные избы, и беженцы вполне могли разместиться в нескольких таких.

– Осмотрим, командир? – спросил Ершов.

– Поворачивай, – согласился лейтенант. – Только желательно нам вместе в одном здании устроиться. Оборонять легче, если что.

– Интересно, а где все жители? – задумчиво пробормотал Баранов, разглядывая мелькающие за окном покосившиеся заборы и ворота.

Если к кирпичным коробкам время оказалось относительно благосклонно, то с легкими металлическими конструкциями обошлось беспощадно.

– Вот человек, а, – заметил Шмель, выворачивая руль. – Сам же с прибором снаружи стоял. След радиоактивный над этими местами прошел, фонит тут, вот люди и ушли.

– А откуда у селян приборы? – не понял Баранов.

– А им приборы и не нужны, – проговорил лейтенант. – Если несколько лет облучаться, то почувствуешь и без всего. Сам же знаешь, что с мародерами бывает, а они еще большую часть времени в убежище проводят. А вообще, похоже, немаленькая деревня была. Человек пятьсот тут жило?

– Село, – поправил Азат и указал на здание за окном. – Мечеть была, значит – село, не деревня.

Мечеть была маленькая, совсем не похожая ни на казанский Кул-Шариф, ни на челнинский Нур-Ихлас, который выглядел гораздо скромнее. Обычная деревянная коробка, когда-то выкрашенная синей краской, сейчас облупившейся. Еще и невысокий минарет развалился, проломив крышу так, что из здания торчала только верхушка с полумесяцем, который смотрел куда-то вверх вместо того, чтобы указывать на юг, в сторону Мекки.

– Ну да, – задумчиво пробормотал лейтенант и почесал голову. – Однако.

– Смотри, командир, – проговорил Ершов, показывая на кирпичное здание, которые было гораздо больше остальных.

Приземистая двухэтажка вполне могла вместить всех беженцев. Раньше в ней, без сомнения, располагалась сельская школа – одна из немногих, что сохранились, несмотря на все старания реформаторов. Здесь без нее было вообще никуда, до Челнов по прямой – тридцать километров, до Мензелинска еще больше, да и район уже другой. Нужно ведь детям где-то учиться, верно? А их наверняка приходилось на автобусе по деревням собирать.

– Осмотримся? – спросил водитель.

– Останавливай, – ответил командир и вновь взялся за рацию. – Сейчас старика обрадую, что нашли место для дневки, и внутрь пойдем, проверить. Мало ли кто там гнездышко свил?

* * *

Через несколько минут основная часть конвоя уже догнала головную машину. Бойцы «Булата» успели выгрузиться и осмотреть здание школы снаружи и прилегающую территорию, и не увидели ничего подозрительного. Не было там ни признаков жизнедеятельности людей вроде случайно оброненного мусора или кострищ, ни следов животных. Даже дорожек вездесущих крыс.

Территория, выбранная для дневки, казалась совсем безжизненной. Что было достаточно странно на фоне в общем-то невысокого уровня радиации. Если уж в Челнах, которые и химией, и вирусами обработали, бурлило уродливое подобие жизни, то местное затишье казалось чем-то совсем неестественным. И подозрительным.

– Уж слишком тихо, – проговорил Полковник, покинувший «УАЗ», в котором ехал. – Лейтенант, уверен, что стоит здесь остановиться?

– Да, – кивнул тот. – Еще полчаса, и совсем светло будет. Ничего лучше найти не успеем, а так здание снаружи осмотрели – оно в неплохом состоянии. Решетки на окнах есть, проржавели, конечно, но все еще крепкие. Стекла целые; крыша, правда, протекла, но на первом этаже должно быть сухо.

– Ну да. Ладно, давайте так – вы идете внутрь, все хорошенько проверяете. Если все нормально, то устраиваем гражданских, разбираем караулы и прочее. Мы снаружи пока подождем.

– Есть, – без особого рвения ответил лейтенант и пожал плечами.

Полного соблюдения субординации от него давно уже никто не требовал, тем более что военная служба их слишком затянулась. Но ничего другого и придумать было нельзя, Полковник прав, гражданских следовало разместить как можно скорее.

А еще лучше – накормить и обогреть. То, что сейчас творилось у беженцев в головах, можно сравнить только с хаосом первых дней после Катастрофы. Еще бы – заставили сорваться с места, где они прожили более-менее спокойно почти два десятка лет, и теперь везут в неизвестность. А вокруг больше не уютные коридоры бетонного убежища, но открытый воздух. И что еще хуже – впереди непонятные перспективы.

Короче, нужно было как можно скорее дать им передышку, иначе и до бунта недалеко.

– За мной, – приказал лейтенант и двинулся к металлической двери, за которой и скрылся вход в школу.

Вся группа, включая Азата, немедленно отправилась следом. Поднявшись на крыльцо, командир приказал приготовиться к возможному огневому контакту, сам взялся одной рукой за дверную ручку и потянул ее на себя.

Дверь с оглушительным лязгом распахнулась и Баранов нырнул в темный проем, на ходу включая подствольный фонарик. Остальные члены группы двинулись следом, отчего в холле мгновенно стало тесно.

У башкира подствольного фонаря не было, ему пришлось довольствоваться обычным светодиодным, закрепленным на лямке рюкзака. Как самый неопытный боец, он шел в центре. Еще в первый их совместный с группой выход Азату вдолбили, что главная его обязанность – вовремя заметить опасность и обратить на нее внимание старших по званию.

Но здесь все было спокойно. Темно, конечно, и пыльно. В большом мутном зеркале, висевшем на стене, мелькали отблески фонариков, но в целом ничего подозрительного не наблюдалось.

– Даже крысиных дорожек нет, – восхищенно пробормотал Шмель, мазнув лучом фонаря по полу, сколоченному из крепко сбитых между собой досок, которые после этого покрыли слоем оранжевой краски. – В Челнах, куда не зайдешь – везде их следы в пыли да дерьмо валяется. Чего ж тут такое-то, что даже эти твари не живут?

– Фон нормальный, – заметил Ершов, бросив взгляд на экранчик прибора. – Нет, не идеальный, чуть-чуть высоковат, но не намного выше, чем у нас в переходе был.

– Это нормально, – кивнул лейтенант. – Окна и решетки все целы, дверь давно не открывалась, подкопов тоже не видно. И вокруг здания следов нет. Похоже, здесь действительно пусто. Вот что, давайте-ка посмотримся по-быстрому да на выход. Жаль, что не осветить все толком... Хотя, как солнце поднимется, должно светлее стать.

Холл разделялся на два коридора, уходивших в противоположные стороны. В центре же была лестница, ведущая на второй этаж, а рядом с ней – маленький закуток гардероба, ограниченный решетками от пола и до самого потолка. Большая часть вешалок все еще держалась, и Азат решил, что это хорошо: значит, потолок не пропитан просачивающейся через крышу водой и риск, что он свалится на головы беженцам, минимален.

И тут же стоял стол вахтера, настолько древний с виду, что башкир удивился, как же этот продукт взаимодействия отходов деревообработки и гения советских инженеров до сих пор не развалился. Стула вот на положенном месте не имелось, что само по себе еще ни о чем не говорило.

– Проверим? – предложил Азат, указав на стол. – Там ключи должны быть.

– Давай, – ответил командир. – Мы прикрываем.

Было не по себе выходить из освещенного фонариками круга, но выбора не было. Усилиями воли подавив проснувшийся в глубине души мандраж, Азат двинулся к посту вахтера, стараясь ступать как учили, чтобы не производить шума – мягко перекатываясь с пятки на носок.

Это не помогало: доски под ногами нещадно скрипели. Сейчас башкир был уверен, что пол здесь не отличался особым качеством и в то время, когда школа работала. А уже теперь, после двадцати лет без отопления, хорошо, что он вообще не сгнил и не провалился.

Добравшись до стола, Азат дернул на себя ящик и удовлетворенно усмехнулся, увидев то, что искал – ключи, лежавшие в специальных ячейках. К каждому прилагалась самодельная картонная бирка с номерами классов. Здание было совсем небольшим, и ключей едва ли нашлось полтора десятка, и это если считать спортзал, библиотеку и учительскую. Сколько тут человек училось? Хотя бы сто набирали, интересно?

Помимо ключей в ящике стола нашлась рассыпающаяся под пальцами тетрадь, но перелистнув пару страниц, Азат не увидел ничего, кроме дат, фамилий и автографов. Это был журнал, в котором персонал школы расписывался за ключи; башкир даже немного расстроился – он надеялся, что найдет записи, которые смогут прояснить, что именно случилось в Калмии и куда делись все люди.

Не придумав ничего лучше, чем сгрести все найденные ключи в ладонь, он вернулся к группе. Лейтенант задумчиво осмотрел находку и забрал себе те, на бирках которых были нацарапаны номера с двадцать первого по двадцать седьмой.

– Здесь что, тридцать классов почти? – спросил Шмель, заглянув через плечо командира.

– Это второй этаж, скорее всего, – ответил тот. – Ладно, Азат, Баранов, осмотрите первый этаж, мы займемся вторым. Шум не поднимать, если увидите что-то опасное – попытайтесь отойти без боя и дождаться нас. Если что-то непонятное... Короче, вместе разберемся.

– Как обычно, командир, – усмехнулся Леха Баранов. – Без проблем.

Лейтенант, Ершов и Шмель отправились наверх. Оставшись вдвоем, бойцы, не совещаясь, двинулись в самый конец левого коридора. Азат выбрал ключ, номер на котором совпадал с тем, что был на двери, вставил в замок и не без труда провернул. Похоже, что в последний раз класс открывали очень давно: механизм работал с громким лязгом, а значит, успел порядком проржаветь.

Остальные ключи Азат ссыпал в один из пустых карманов, чтобы освободить руки, взял автомат на изготовку и потянул на себя дверную ручку. Створка со скрипом открылась, дав разведчикам доступ в темное и пыльное помещение.

Черная, порядком обшарпанная доска, парты, на которых уже успело оставить росписи не одно поколение школьников, стулья, своим внешним видом показывающие, что их создателю были чужды понятия об удобстве и эргономике. Ничего необычного. Азат сам ходил в точно такую же школу, учился точно в таком же классе, разве что было это в Башкирии, под Белебеем.

Судя по толстому слою пыли, сюда не заходили уже много лет. Причем не только люди, но и животные: не было дыр, сквозь которые могли бы просочиться вездесущие грызуны. А ведь дома к ним нет-нет, да заползали погреться крысы, особенно в холодные зимы.

Баранов двинулся в сторону шкафов, будто хотел проверить, не прячется ли кто-нибудь за ними. Азат же пошел к доске, провел пальцем по покрытой пылью поверхности. На секунду его в голову пришла мысль написать бранное слово на башкирском, но тут его внимание привлекла оконная рама.

– Смотри. – Он показал напарнику пальцем на окно.

– Что такое? – спросил Леха, уставившись в указанном башкиром направлении, но, похоже, не понял, что тот имел в виду. – Ну, автобус стоит, да. Полковник ходит...

– Да не туда смотри. Окна проклеены.

– Ну да. Сам посмотри, какие тут щели в рамах, сквозить должно так, что насмерть замерзнуть можно.

– Летом, что ли? – прищурился Азат. – Война летом была, забыл?

– Ну, может, с зимы оставили? – пожал плечами Баранов.

– Не, – уверенно помотал головой башкир. – Деревенские так не оставили бы. Тут наверняка убирались после последнего звонка, окна мыли. А значит, проклеивали их уже летом. Перед самым началом Войны.

– А зачем? Кто такую дыру бомбить-то будет?

– Черт его знает, наверное, укрываться тут собирались. А вообще, они не так уж ошиблись. Сам видишь – след здесь прошел, на улице фонит, а в здании уже не так сильно. Может, начальство сказала клеить, и никуда не денешься. Сам же в курсе, как у нас это работает.

– Работало, – кивнул Баранов. – Ладно, думаю, мы тут ничего особенного не увидим. Давай осмотрим остальные классы по-быстрому. Если здесь колхозники укрывались, наверняка найдем следы. А если не успели спрятаться, может, запасы какие отыщутся.

– Ага, сейчас только запасы искать осталось, – усмехнулся башкир. – Учитывая, сколько на «Домиках» бросили. А здесь мы точно не поселимся – фон, да и жить нечем. Ни хозяйство не завести, ни поле вспахать. Разве что Ик рядом, но что там с водой сейчас...

– Какой еще Ик? – не понял здоровяк.

– Камы приток, – ответил Азат. – Большая река, в Каму впадает.

– Ладно, хрен с ней, с географией. Пошли остальные классы проверим, а то люди, наверное, задолбались уже в машинах сидеть.

Теперь они не тратили время на детальный осмотр: только открыть класс, убедиться, что внутри нет ничего опасного, и запереть дверь. На третьей Баранов вспомнил, что у него в кармане разгрузки есть масленка, и дело пошло веселее – пару капель в сам замок да еще по несколько в петли, и скрип становился гораздо тише.

Второй класс ничем не отличался от первого. А по третьему стало ясно, что люди пытались здесь укрываться: парты оказались аккуратно расставлены у стены, а на полу были уложены несколько матрасов.

Азат вошел в помещение и удивился, насколько неуютно он себя там почувствовал. Даже в брошенных квартирах такого не бывало, особенно если рядом не наблюдалось истлевших трупов их бывших хозяев. Но все равно, в жилых комнатах сохранялось некоторое подобие уюта.

Здесь же такого не было. Как бы ни пытались деревенские жители обжить школьный класс, ничего у них не вышло. Выглядели матрасы, да и шмотки, валяющиеся на полу, неуместно, будто африканские ритуальные танцы в мечети.

Баранов наклонился, взял в руки банку консервов и, задумчиво хмыкнув, повертел ее в ладонях. Азата заинтересовало другое – пятна засохшей крови в изголовье одного из лежаков.

– Смотри, – показал он напарнику. – Кровь.

– И тут, – заметил тот, быстро оглядев остальные матрасы и отбросив банку в сторону. – И желтые пятна какие-то. Кто бы тут ни укрывался, им, по ходу, совсем нехорошо было.

– Похоже на то, – согласился башкир. – Неуютно мне здесь, знаешь.

– Чувствуешь, будто наблюдает кто-то? – прищурившись, спросил Баранов.

– Не, такого нет, – помотал головой Азат. – Знаешь, просто неуютно. Другое место нам искать надо.

– Это уже не нам решать, пусть Полковник с лейтенантом думают, у них головы большие и умные. Пошли дальше смотреть.

Башкиру оставалось только согласиться. В каждом из следующих кабинетов они находили признаки того, что здесь пытались жить. Матрасы, одежду, книги, даже игрушки и электронные гаджеты, никак не реагирующие на нажатие кнопок питания. Часть лежаков была заляпана бурым, на некоторых их дополняли пятна другого рода – наверняка от рвоты, мочи или фекалий.

Все это укладывалось в уже отчетливо представляющуюся картину того, как забившиеся в убежище колхозники медленно умирают от лучевой болезни. Однако одна деталь никак не давала ему покоя.

Куда же делись трупы? Не могли ведь они за двадцать лет рассыпаться в прах, кости в любом случае должны были сохраниться.

Азат подошел к последней из непроверенных ими дверей, запустил руку в карман и не нащупал ключа. Он оставлял их в отомкнутых замках, чтобы не запутаться. К тому же если они решат остаться здесь на дневку, то классы ведь все равно придется еще раз открывать.

Похлопал себя по карману и убедился, что ключ не провалился в какую-нибудь дырку и не зацепился за складку. Но нет, его не было.

– Что такое? – спросил Баранов.

– От этой двери ключа не было, – кивнул башкир на створку с намалеванным на ней белой краской номером семнадцать.

– Уверен, что не обронил? – спросил здоровяк.

– Точно. Может, выйдем наружу, попытаемся в окно заглянуть? – предложил Азат.

Но Баранов уже все решил. Сделал два шага назад, прищурившись, посмотрел на дверь, будто примеривался.

– Эй, лейтенант сказал не шуметь... – только и успел проговорить башкир, когда его напарник размахнулся и саданул тяжелым армейским ботинком в область замка.

Последние слова Азата были напрочь заглушены треском ломающейся древесины, но дверь устояла, потому что открывалась наружу. Башкир хотел было предложить сходить до машины, где наверняка нашелся бы ломик, но Баранов решил так просто не сдаваться и долбанул во второй раз, похоже, гораздо сильнее.

Вновь хрустнуло дерево, какая-то деталь замка, жалобно звякнув, упала на пол. Боец рванул на себя дверь, открывая ее, и недобро помотал головой.

Вот и трупы нашлись. По крайней мере один – прямо у входа в класс валялась куча человеческих костей, а к дверной ручке была примотан галстук когда-то веселенькой розовой расцветки.

Азат повернулся на звуки шагов, махнул лейтенанту и остальным рукой, мол, все в порядке. Те, замедлившись, подошли и остановились, разглядывая открывшееся им зрелище.

– Это насколько надо жить не хотеть, чтобы на дверной ручке повеситься? – пробормотал Шмель.

Ничего более подходящего самоубийца, кем бы он ни был, не нашел. Класс освещался ртутными лампами, и крюка для люстры в нем не было. Радиатор отопления висел слишком низко. Еще, похоже, бедняга пытался использовать гардину, но крепления не выдержали его веса.

Лейтенант отодвинул в сторону Азата и вошел в комнату, освещая ее фонариком. Мрачно посмотрел на разложенную в углу кучу тряпья, помотал головой.

– Надо будет забаррикадировать дверь, чтобы сюда никто из наших не вошел, – сказал он. – Не дай бог, кто-нибудь из детей увидит это.

– Это? – спросил Баранов, сделал шаг в комнату и сказал. – А вот и колхозники, – после чего громко выругался.

Азат воспринял это как разрешение и вошел в класс, следом за ним двинулись и остальные члены разведгруппы. Их глазам открылось удручающее зрелище: на прогнивших матрасах под полуистлевшим одеялом лежали три скелета. Один принадлежал взрослому человеку, а еще два – детям, если судить по размерам костей.

– Что же тут произошло, – пробормотал башкир.

– Что-то, – ответил Шмель, мрачно нахмурившись. – Все умерли.

Лейтенант взял со стола валявшуюся на нем длинную указку и подошел к матрасам. Аккуратно подцепил кусок одеяла, оттянул его в сторону, открыв взглядам своих товарищей три практически голых скелета. Похоже, что в помещении оказалось достаточно тепло, чтобы трупы начали гнить, но недостаточно сухо, чтобы мумифицировались.

– Женщина, – сказал лейтенант. – И два ребенка, скорее всего – мальчик и девочка.

– Это ты по скелетам определил? – спросил Баранов.

– Да. По тазовым костям, – ответил тот. У женщин таз пошире и другой формы. У детей разобратся сложнее, но скорее всего так.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.